

Николай Добролюбов

Шиллер в переводе русских писателей

Николай Александрович Добролюбов

Шиллер в переводе русских писателей

«...О большей части этих переводов распространяться не нужно: перевод Жуковского всем известен; гг. Мей и Михайлов давно известны как очень талантливые переводчики. О переводах Шишкова можно заметить, что они теперь уже несколько устарели. Беспрестанные повторения сих, коих, сколь и пр. неприятно поражают в драматическом произведении. Вообще стих Шишкова нельзя назвать естественным и простым. Попадаются фразы вроде: «Любви руке я деятельной этим одолжена»; или: «Облегчите ж сердце мое, чтоб ваше умилила я» и т. п. Но вообще говоря, переводы Шишкова могут еще быть читаемы даже и теперь, тем более что они сделаны очень добросовестно...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Шиллер в переводе русских
писателей**

*Изданный под редакцией Ник. Вас. Гер-
бея. Томы V, VI и VII, СПб. 1859{1}*

Мы уже не раз говорили об издании г. Гербея, отдавая полную справедливость его аккуратности и изяществу. В вышедших в последнее время томах помещены: в V – «Заговор Фиеско в Генуе», в переводе г. Гербея (проза), и «Мария Стюарт», в переводе А. А. Шишкова 2-го; в VI – «Трилогия Валленштейн», в переводе Л. А. Мея («Пролог» и «Лагерь»), В. А. Лялина («Пикколомини») и А. А. Шишкова 2-го («Смерть Валленштейна»); в VII – «Орлеанская дева», в переводе Жуковского, и «Коварство и Любовь», в переводе М. Л. Михайлова (проза). О большей части этих переводов распространяться не нужно: перевод Жуковского всем известен; гг. Мей и Михайлов давно известны как очень талантливые переводчики. О переводах Шишкова можно заметить, что они теперь уже несколько устарели. Беспрестанные повторения *сих, коих, сколь* и пр. неприятно поражают в драматическом произведении. Вообще стих Шишкова нельзя назвать естественным и простым. Попадают фразы вроде: «Любви руке я деятельной этим одолжена»; или: «Облегчите ж сердце мое, чтоб ваше умилила я»

и т. п. Но вообще говоря, переводы Шишкова могут еще быть читаемы даже и теперь, тем более что они сделаны очень добросовестно. Перевод г. Лялина тоже читается, хотя и он не чужд тяжеловатости по местам. Мы не указываем частных отступлений и недосмотров переводчиков, потому что, не принадлежа к числу исключительных поклонников Шиллера, не знаем его пьес наизусть, а сравнивать перевод с подлинником стих в стих сочли излишним: на это у нас есть довольно большое количество библиографов... Но наше внимание обратили некоторые пропуски и уклонения от подлинника, сделанные в «Фиеско». Уклонения эти тем более удивили нас, что пьеса написана и переведена прозой, следовательно, по-видимому, не представляла никаких затруднений в переводе... Но, верно, наш язык еще не выработался до того, чтобы выражать некоторые мысли, совершенно легко и свободно выражаемые под пером немецкого писателя. Мы отчасти понимаем даже и причину этого, вовсе не филологическую, а заключающуюся в степени участия нашего общества к литературным произведениям такого

рода, как «Фиеско»... Мы, впрочем, не обратили бы внимания и на эти отступления, если бы от них не пострадало до некоторой степени лицо *Веррины*. У Шиллера Веррина представляет образ до того цельный и живой, что каждая фраза его должна быть сохранена именно так, как он говорит ее. Это не человек средних сил и средних стремлений; он не может ни делать, ни говорить в половину. Прямота и неуклонная безбоязненность республиканца выражаются в каждом его слове. Поэтому не совсем ловко выходит, когда он в переводе вместо «тиран» говорит «злодей» или вместо: «Ты конвульсивно содрогался *при одном взгляде на корону*» выражается: «Тебе сжимало сердце *малейшее нарушение прав республики*» и т. п.

Подобные смягчения вредят рельефности лица гораздо более, нежели кажется с первого раза. Стоит всмотреться в смысл шиллеровской пьесы, чтобы заметить, что Веррина должен выставляться как можно резче, неукротимей, беспощадней, – не только в деле, но и в каждом слове, которых он, впрочем, не говорит даром. Его характер составляет совер-

шенную противоположность с Фиеско, и, преследуя одни цели, они расходятся именно вследствие разницы внутренних побуждений. Фиеско – тоже ненавидит Дориев, угнетающих Геную; Веррина называет его тоже *den groften Tyrannenhasser*[1] (название, пропущенное в переводе г. Гербеля). Но Фиеско чувствует ненависть к Дориям именно как к Дориям, как к герцогам, попирающим, между прочим, его собственные преимущества. Поэтому ненависть к рабству не восходит в его душе на степень ненависти ко всякому преобладанию. Он – человек честолюбивый, человек эгоистический довольно в узких пределах. Оттого-то ему ничего не стоит носить маску так долго и так искусно, что сами друзья и единомышленники его не понимают его поведения. Замыслив низвергнуть Дориев, он пускается в светские развлечения, пьет, гуляет, играет, не потому, чтобы его влекла к тому какая-нибудь страсть, а просто из расчета, – чтобы обмануть бдительность противников. Между тем он обрабатывает втайне все дело восстания: достает деньги, одобрение иностранных держав, чужеземное войско;

а затем – восстановить народ уже недолго. И вот, в решительную минуту он сбрасывает свою маску и приводит в благоговейное изумление всю партию республиканцев. Он говорит им: «Пока вы тут толковали, я *делал дело*», и все пред ним преклоняются. Но уже в этой спесивой претензии, что он делал дело, заключается начало развязки. Вслед за этим сознанием начинает мучить Фиеско жажда власти. Сначала он отвергает мысль самому сесть на место Дория. Его сомнения разрешаются еще довольно светло в первом монологе, который мы можем привести здесь, как образец перевода г. Гербеля.

«Что за волненье в груди моей! что за таинственный прилив мыслей! Точно подозрительные братья, что выходят на черное дело, крадутся на цыпочках и боязливо потупляют свои разгоревшиеся лица, – так проходят тайком роскошные призраки мимо души моей. Постойте! постойте! Дайте мне пошептать вам в лицо. Честная мысль укрепляет сердце мужчины и геройски показывает себя дню. О, я знаю вас! Это ливрея вечною лжеца. Исчезните!

(Снова молчанье; потом с возрастающим жаром.) Республиканец Фиеско? Герцог Фиеско? *Остерегись! перед тобой неисходная бездна, где стынет мозг добродетели, где небо граничит с адом. Здесь-то спотыкались герои, – и падали герои, и мир проклиняет имена их. Здесь-то сомнение овладевало героями, и герои останавливались и делались полубогами. (С большею живостью.) Но ведь они мои, сердца Генуи. Ведь мои руки водят произвольно – то туда, то сюда – грозную Геную? О, как лукав порок! Каждого духа тьмы заслоняет духом света. Несчастное славолюбие! застарелое соперничество! Духи света своими поцелуями отняли у тебя небо, и твое чрево изрыгнуло – смерть. (Содрогаясь.) Духов обольщаешь ты песнями сирен о бессмертии; людей ловишь ты золотом, женщинами и жаждою власти. (После некоторого молчания.) Приобрести власть – велико; отказаться от нее – божественно. (Решительно.) Да погибнет злодей! Будь свободна, Генуя, а я (понижив голос) – твой счастливейший гражданин!»*

Но приманка слишком сильна, и положение Фиеско слишком соблазнительно для того, чтоб им не воспользоваться. Второй монолог уже наполнен такими изворотами, такими софизмами, которые кажутся неотразимыми для Фиеско... А главное – близость власти так отуманивает и разгорячает его, что он не может долее воздержаться, и цель общая исчезает для него пред целью личною. Последняя душевная борьба, предшествующая решению, превосходно выражена у Шиллера и довольно близко передана г. Гербелем. Мы приведем и эту страницу. Заметим только, что напрасно г. Гербель в нескольких местах выкинул слова *Furst* и *fursterlich*[2], которые Фиеско много раз повторяет в этом монологе, как бы желая натешиться ими и приучить к ним слух свой.

*«Фиеско (в своей зале, у окна; светает).
Что бы это значило? Луна потухла;
утро встает, все в огне, из моря. Дикие
мечты прогнали мой сон. Все суще-
ство мое судорожно ухватилось за од-
но ощущение. Мне надо воздуху. (Отво-
ряет стеклянную дверь. Город и море*

окрашены утреннею зарею. Фиеско ходит большими шагами по комнате.) Я величайший человек в Генуе! И не должны ли низшие души собраться около высшей? Но я отдаляюсь от добродетели. (Останавливается.) Добродетель? Но избранная голова имеет иные искушения, чем обыкновенная; неужели ж ей делить с ней и добродетель? Разве панцирь, облегающий тощее тело пигмея, может быть впору великану? (Солнце восходит над Генуею.) Этот величавый город (кидается к дверям с отверстыми объятиями) – мой!.. И сиять над ним, подобно царственному дню, заботиться о нем с мощью монарха, все кипучие страсти, все несытые желанья потопить в этом бездонном океане? Да, если остроумие обманщика и не может облагородить обмана, – по крайней мере цена облагораживает обманщика. Подло вытащить кошелек из кармана, дерзко надуть на миллион, но невыразимо велико похитить власть. Стыд уменьшается с возрастанием преступления. (Молчание. Потом значительно.) Повиноваться? – повелевать? –

ужасная, бездонная пропасть! Бросьте в нее все, что только человек имеет драгоценного: ваши победы, завоеватели, художники, – ваши бессмертные содания, ваше сластолюбие, эпикурейцы, и острова, – вы, мореходы! Повиноваться и повелевать: быть и не быть! Разве тот, кто перенесется через страшную пропасть между последним серафимом и Бесконечным, измерит этот полет? (Торжественно.) Стоять на той ужасной, неизмеримой высоте! смотреть на кружащийся внизу водоворот человечества, где колесо слепой обманщицы коварно вертит судьбами! первому припадать устами к кубку радости! управлять неукротимыми страстями народа, как бешеными конями мягкой игрою поводьев! Одним — одним дуновением превращать в прах зазнавшуюся гордость вассала! вызывать к жизни творческим жезлом грезы своей горячки! О, эта картина возносит дух выше его пределов! Одна минута владычества поглотила мозг всего существования. Не шум жизни, а ее содержание определяет ей цену. Раздели гром на

простые звуки, и ты станешь убаюкивать ими детей; но соедини их в один внезапный удар – и царственный звук потрясет вечное небо. Я решился. (Ходит величественно взад и вперед.)»

Таков Фиеско, являющийся для всех освободителем Генуи. Но не таков Веррина. Он состарился в республиканских убеждениях, они вошли в плоть и кровь его; он ненавидит не Дориев, не людей, стоящих выше его, – он возмущается против целого порядка вещей, в которых возможно неправое преобладание одних над другими. Толчок его гневу дает поступок Джианеттино Дория с его дочерью; но это только повод, это искра, попадающая в порох. В собственном оскорблении он видит возможность оскорбления целой Генуи, беззащитность невинности и слабости от насилия власти... Он горько укоряет себя, что до сих пор терпел, и признает домашнее несчастье справедливой карой за свою бездеятельность. «Поделом тебе, трус Веррина, – говорит он. – Когда негодяй вторгнулся во святилище законов, так этого тебе было мало; надо было, чтоб он вторгнулся во святилище твоей кро-

ви!..» И вслед затем весь его частный гнев переносится в сферу дела общего: он проклинает свою дочь, в присутствии своих друзей, – чтоб она мучилась и терзалась до тех пор, пока не погибнет герцог Дория, ее обольститель. «Она будет для меня залогом твоего мщенья тирану», – говорит он, обращаясь к жениху своей дочери. «Этой драгоценной нитью я связываю мои, и твои, и ваши обязанности», – прибавляет он, обращаясь ко всем друзьям своим. Но не нужно думать, что личный гнев и мщение им руководят; он идет на Дория, но это потому, что именно Дория покамест представляет собою в Генуе неправую власть. Как скоро он замечает, что Фиеско, *освободитель* Генуи, сам стремится к власти, – он идет и против Фиеско. Зорко подмечает он его стремление в самом зародыше, и кровавое решение уже готово в душе мрачного, непреклонного республиканца. Ему нет дела до того, что Фиеско, может быть (как сам по крайней мере обещается), не станет угнетать Геную подобно Дориям, а будет о ней заботиться с герцогским величием и милостью... Веррина не разбирает, каков будет герцог Генуи; он не хочет

никакого, и тем более не хочет Фиеско. «Заметил ли ты вчера, – говорит он Бургоньино, – как Фиеско всматривался в наше изумление?.. Человек, чья улыбка обманула всю Италию, станет ли терпеть себе равных в Генуе?.. Фиеско свергнет тирана – это верно; Фиеско сам будет опаснейшим тираном Генуи – это еще вернее». И следствием этих, глубоко верных соображений является у Веррины приговор: «Фиеско должен умереть!»

И Веррина свято исполнил свое намерение. Раз только, перед исполнением своего намерения, он смягчился и даже как будто готов был поколебаться. Он вошел в рассуждения с Фиеско и даже принялся упрашивать его, чтоб тот отказался от власти. Разумеется, он должен был знать, что это бесполезно, что если бы Фиеско и сказал ему: *да*, то не в силах был бы исполнить своего слова. Но старику извинительно было сделать подобную, во всяком другом положении несколько малодушную просьбу, потому что вслед за тем у него готовилась и казнь Фиеско: просьба эта была чем-то вроде исповеди, вроде очищения совести перед смертью... Последний разговор его

с Фиеско полон такой энергии, какую редко представляют драматические пьесы. К сожалению, в переводе г. Гербеля и здесь есть несколько смягчений и пропусков. Зачем, например, пропущено это характеристическое рассуждение Веррины, когда он отвечает на обещания Фиеско употребить герцогскую власть для благоденствия граждан Генуи: «Моему согражданину я еще позволил бы сделать мне добро: ему надеюсь я отблагодарить тем же. Но дар герцога – это милость, а милости я принимаю только от бога...» Подобный ответ в своей резкости весьма рельефно рисует нам закаленную в республиканстве натуру старого Веррины.

Впрочем, говоря вообще, переводы, издаваемые г. Гербелем, все-таки дают нашей публике довольно полное понятие о драматических пьесах Шиллера, и мы с удовольствием узнали из предисловия к VII тому, что и восьмая часть уже готова и скоро выйдет в свет{2}.

Сноски

1

великим ненавистником тиранов (нем.). –
Ред.

[^^^]

2

князь и княжеский (нем.). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Точное название рецензируемой книги «Драматические сочинения Шиллера в переводах русских поэтов». Изд. под редакцией Ник. Вас. Гербеля, СПб. 1859, ч. V, VI, VII.

[^^^]

2

Часть VIII – «Разные сочинения Шиллера» – вышла в свет в 1860 г., часть IX – «Исторические сочинения» – в 1861 г.

[^^^]

[^^^]